

ИГРАЙ, МУЗЫКАНТ!

С этим человеком я познакомилась почти случайно, в Гнесинке — обстоятельства заставили. И поначалу ничто не предвещало продолжения знакомства. Преподаватель Гнесинского училища, а еще музыкальной школы в Филях, Виктор Гусев, музыкант, кларнетист, рассказывал о себе. Ученик известного педагога Василия Алексеевича Гетмана, в детстве и отрочестве жил в Подмоскovie, в Подлипках...

Бездельничал, прогуливал училище, гонял голубей, убежал из дома. Потом вкалывал, как дьявол. И как-то сами собой оказывались сданными экзамены — переходил с курса на курс. Везунчик? Может быть... А потом армия, потом консерватория. И — работа.

Однако самое главное в нашем разговоре было о кларнетах. И о квартетах. На этой почве и продолжилось наше знакомство.

Почему люди вдруг начинают что-то собирать, коллекционировать? Иные — ради престижа, моды. Иные — ради денег, чтобы и внукам хватило. И прячут свои коллекции по сундукам под семью замками, чтобы, упаси бог, никто не узнал, никто не увидел.

А к Гусеву кларнеты, что называется, сами плыли в руки. Один, например, продали ему на улице, второй он купил в комиссионке, третий привезли из Америки. И все это, смею заметить, задешево даже по тем временам — такое вот фантастическое везение!

Как-то он сказал мне, что журналисту нельзя все выкладывать до конца, обязательно должно остаться что-то для домысливания. Иначе не интересно: тайны нет. Ведь если все рассказать, что ж нашему брату останется? Только записать? Конечно, про инструменты Гусев мне рассказал не все.

И тогда я стала домысливать. Я представила себе деревянное семейство, черное с блестящими серебряными или никелевыми клапанами. Когда было просто черное дерево, растущее где-то в Африке под вечно палящим жадным солнцем. Вот они отсюда, теплые звуки, вобравшие в себя и солнечные лучи, и мирскую суету под кронами, и многолетний топот ног, и ночную тишину...

Музыка. - 1994. - 10 окт. - с. 9.

ЧЕТЫРЕЖДЫ КЛАРНЕТ

А потом под руками мастера дерево зазвучало, и то, что до времени было скрыто в его черном безмолвии, вылилось наружу. Бери, Музыкант, играй и храни. Поиграл, разбери, положи в футляр, береги. И он лежит, безголосый и мертвый, пока Музыкант снова не возьмет его в руки, не поднесет к губам.

...Черное деревянное семейство... Кларнет-пикколо казался мне капризной девочкой, маленькой, своенравной, немного визгливой. Так называемый си-бемоль — солидный инструмент — эдакий незаметный солист во фразе, никогда не выпячивающий свою персону, в общем, классический труженик. Бас-кларнет с широким, загнутым вверх металлическим раструбом, густым мрачным звуком напоминающий ворчливого мужика с ку-

рительной трубкой, вечно чем-то недовольного. И, наконец, бассетгорн, альтовый, очень редкий кларнет — это старый дед, умудренный житейским опытом, прошедший огонь, воду и «медные трубы».

Наигрался на них Гусев, нагледелся, налюбовался ими. А тут и стукнуло ему пятьдесят. Он решил отпраздновать юбилей необычно: подготовил программу и сыграл ее в своей музыкальной школе. Вместе с пианистом. Сыграл на всех кларнетах перед педагогами, перед своими так называемыми коллегами. «Так называемые» — это я, конечно, не без сарказма: ведь поначалу решили коллеги устроить Гусеву обструкцию. Он играл, а они упорно молчали. Ну как же — устали, только что после педсовета, впереди забот множество: авоськи, магазины, дети.

А тут — музыка. Однако закончил Гусев выступление все же под овацию. Потом еще один концерт устроил, и публика была более чем благодарной. А потом...

Он решил поставить точку. Все, «отыгрался Гусев. Учи теперь других. Ты сыграл на всех своих любимых кларнетах. Ты извлекал из них божественные звуки, обнимая их, как можно обнимать только любимую женщину. Бегай по кругу «училище — школа — дом», вспоминая молодость. Все. Точка.

А летом судьба уготовила Гусеву немилосердную шутку, решив, видимо, посмеяться над всеми им же поставленными точками. Он работал на даче на токарном станочке, и, когда уже достругивал последнюю досочку, мизинец случайно попал в станок. Вместо пальца — кровавое месиво. Поехал лечиться. Палец спасали, шили, гипсовали. Ну что, Гусев, теперь уже действительно отыгрался?

И вот тогда у него появился дикий, почти «неуправляемый» протест против несправедливой судьбы. Тут уж возникает второе, пятое, десятое дыхание, и человек работает, вкалывает, чтобы только преодолеть, переломить, помочь здоровыми пальцами этому об-

рубку, которого даже не чувствовал. И все равно играл еле-еле... Немного лучше... Еще получше... Потом появилась чувствительность в пальце. Все, преодолел. Все!

Можно успокоиться? Не тут-то было. Беда подтолкнула к действию. Есть такая категория людей — когда все удачно и гладко, они расслабляются, ходят по своему замкнутому кругу, не ведая даже, какие внутренние силы, какие бесы в них самих спрятаны, когда же судьба устраивает им «проверки», они заводятся и заводят на свои обороты других...

Сначала Гусев задумал трио. Начал подбирать репертуар, людей, искать тех, кто будет делать инструментовки. Один кларнетист посоветовал: лучше — квартет. Согласился, пусть будет квартет. И вот шесть лет назад зазвучал пер-

вый квартет кларнетистов, в котором играл лауреат международных конкурсов, солист Госоркестра Лев Михайлов, тоже лауреат конкурсов, но уже из Большого театра Бронислав Прорачи, еще один музыкант из Большого Анатолий Васильев и сам Гусев.

Концертов было множество. Играли в Колонном зале, в Доме композиторов, в музее «Останкино», записывались на радио. В репертуаре были переложения для квартета классических сочинений и оригинальная музыка. Еще в самом начале существования ансамбля композитор Роман Леденев специально для него написал сюиту «Воспоминание».

Вначале все было очень здорово. Ансамбль, как говорится, состоялся, «пошел». Но... Ведь что такое квартет? Четыре музыканта, где каждый сам себе солист и сам себе оркестр. Где каждый неудачный штрих, не говоря уж о звуке (не дай бог!), возводится в степень, ибо обнажено все до крайности. Кажущиеся легкостью и виртуозностью возможны только после долгих репетиций. Но каждый из квартета где-то еще работал — репетировать некогда. Да еще уехал в Испанию Лев Михайлов. Вместо него пришел блестящий кларнетист, ас-

репертуар. И они его создали. Нашли музыканта, который делал переложения классической музыки. Много выступали, прекрасно «чувствуя» друг друга. Одно время даже играли на балкончике в ресторане фешенебельного отеля «Олимпик-Пента». Играли, играли (иногда по три часа подряд) — и «накатали», накопили репертуар. Чтобы чувствовать себя свободнее, независимее, Гусев решил подготовить дублеров из числа своих студентов в академии и студентов-гнесинцев из училища. Так сложился второй состав: Андрей Раев, Паша Маркелов, Саша Копысов. А на кларнете-пикколо — все он же, Гусев.

Я слушала их как-то в Румынском посольстве и размышляла: как же здорово и необременительно пригласить такой квартет на любой концерт. Четыре стула, четыре пюльта, четыре квадратных метра площади. Вот и все. И появляется возможность прикоснуться к шедеврам мировой классики.

Сейчас у Гусева — квартет студентов младших курсов в училище, которые за три-четыре года могут вырасти в прекрасных музыкантов. В школе сложнее. Ребенок, например, бас-кларнет даже и не поднимет — не то что сыграть на нем. Но Гусев все равно что-нибудь придумает. Учил бы себе спокойно, зарплату получал. А он с квартетами носится. И возится. И репетирует. И выступает. И везде головная боль. И везде нервы. Но рядом с этими «ки» ряд абсолютно другой, который всегда перевешивает первый. Рядом — и великодушная музыка, и интересные встречи, и благодарная публика, и теплые слова... Это ж так просто! Особенно если не знаешь, что за всем этим стоит...

Но самое главное, что Гусев не взвешивает ничего. Пока он может что-то делать, он не успокоится. Мне во всяком случае так кажется. Может, на таких и держится культура? Те, кто сидит в своих креслах, кто тоже вроде бы «от культуры», но уже не умеет играть, педагоги, утратившие свои профессиональные качества, просто давно успокоившиеся, разве они сделают погоду?

Нет, не они, другие. Такие, как Гусев.

Надо было заново создавать

Галина МУМРИКОВА.